

СЕРГЕЙ ЛЫСЕНКО

О чем шелестит девочка на море

Сергей Лысенко

О чем шелестит девочка на море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611709

Аннотация

В книгу вошли рассказы и миниатюры, объединенные морской тематикой. Курортные романы и курортные убийства в обертке сюрреализма и магического реализма. Психологические триллеры и экзистенциальные путешествия по крымскому побережью. Также в программе – посещение Панамы, Гибралтара, Китая, Австралии, рыбалка в Тивериадском море и заплыв в Аравийском с сомалийскими пиратами. А на закуску морской вестерн с участием Снарка, Ктулху и Моби Дика.

Содержание

Раздел I. Черное море	5
Орджо	5
О чем шелестит девочка на море	28
Малореченское привидение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

О чем шелестит девочка на море Сергей Лысенко

© Сергей Лысенко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Раздел I. Черное море

Орджо

Иногда хочется тонуть в море.

Хорошо, если ты водишься на побережье, обнаженную спину которого хлещут плети волн с запахом йода. Которого не видно и не слышно за целлюлитными, угристыми ягодицами, бедрами и коленями гор. Если ты там, где урчит морской желудок и волнуются чайки, тогда дождись нужного цвета – мутного, бутылочного, джинсового – и утопай себе.

Уверенно шагни под воду и познакомься с ольмекским лицом дна, обрамленным муреновой шевелюрой водорослей. Оно никогда не улыбается, потому что из лавы Кара-Дага. Положи ему желание в рапановую раковину уха, а потом оттолкнись от носа босыми истоптанными ногами. Всплывай или не всплывай. Почувствуй тепло подмышками. Если море отзовется, продолжай диалог. До тех пор, пока сверху не погрозит Чертов Палец.

Тонуть до конца не обязательно. Ведь с той стороны гор – работа. Она сидит там волком и скулит на луну, которая и у тебя над головой. Луна так близко, что можно рассмотреть индийское лицо на монете. Её решка постоянно напоминает о плохом – работе. К чему эти мысли на отдыхе? Чем

хуже работа, тем лучше платят. И наоборот. Черт знает что!

И ты тонешь, пока не потяжелеет за гайморовой пазухой, пока вода не наступит на лоб. Это значит, что ты глубоко. Так выпусти же пузыри воздуха в воду! Или – возвращайся назад! Тебе решать. Что до меня, то обычно я выныриваю на поверхность. Ведь там ещё греет солнце... До полчетвертого.

Когда мы познакомились, повязка Генуэзской крепости была уже на её ноге. На марле крепостных стен – эллинская и османская, русская и немецкая кровь. Её собственная, айвазовская кровь со всеми резусами и факторами стекала по тонким усикам на рукав морского мундира. Дачи и мечети заколками торчали в волнистых песочных волосах. Её носом была башня Константина. Где-то под башней был спрятан армянский ротик. Бездонные *гринландские* глаза с фонтанами добрых гениев удивленно смотрели на нас.

Её звали Феодосия. На её фоне бушевало море, ветер трепал кроны алых парусов.

За барашковым стадом моря, за лесом алых парусов на нудистском пляже грудился он, поджав ноги, как в поезде. Под музыку джазовых фестивалей он быстро вырос из карадагских одежд. Другой одежды не было, поэтому ему пришлось

отрастить волосы по всему телу. Вскоре он стал похожим на Волошина, растамана и черта одновременно. Он боялся смотреть в зеркало, но отдыхающим было плевать. Их не пугал даже Карадагский змей и магнитные аномалии. Они курили, пили и слушали джаз с утра до вечера. А он чувствовал себя посаженным в бутылку из-под коньяка.

Его звали Коктебель. Пришла пора разбить бутылку.

Был и третий. Он занимался какой-то секретной деятельностью, поэтому его имя было засекречено. Но мы-то знаем, что он мастерил торпеды для всех возрастов. Его торпеды были быстрыми, как дельфины, и белыми, как их кости. Они были легкими – любой вояка мог носить торпеду на плече и бросать во врага.

Ещё известно, что в его жилах тек грузинский коньяк. Что море омывало его с трех сторон. И что он разъезжал на украденном лимузине Киркорова, прицепленном к вертолету.

Однажды они встретились. Феодосия с Коктебелем вышли из пунктов А и Б куда глаза глядят. Понятно, что они не могли разминуться. В тех местах не так уж и много дорог. И все они ведут на дикие пляжи.

– Как далеко я зашла... – сказала Феодосия, посмотрев назад.

Она не увидела родного города. Горы с чирьями зенитно-ракетных комплексов на лбах заслоняли все на свете.

– Где это я? – сказал в свою очередь Коктебель.

Он шел три часа, за спиной осталось пять бухт.

Феодосия долго стояла перед Коктебелем, а Коктебель – перед Феодосией. Они думали о своем. Солнце успело описать дугу над ними.

«Какая красивая, – думал Коктебель. – И не боится ходить одна. Не боится алкашни... Какие зеленые глаза. Как спаржа. Только шнобель все портит... Или нормально?... Да, она ничего. Сиськи ничего. И не боится алкашей. Они не изнасилуют, но могут попытаться. Надо ей сказать».

«Это и есть Йети? – думала Феодосия. – Хм... Мило. А он ничего. Не знала, что в Крыму Снежный человек... Какой волосатый, надо же! Если полезет, то у меня газовый баллончик. Интересно, он говорит по-русски? Интересно, ему жарко? Бедненький... Да никакой он не Йети! Просто кавказец. Чечен... Или армянин... Айвазовский тоже был армянином. И что с того?»

– Тебе нравится Айвазовский? – зачем-то сказала Феодосия.

Коктебель, запинаясь от волнения, начал объяснять, почему он равнодушен к интерьерной живописи, и Феодосия наконец поняла, что она неравнодушна к этому Йети.

– Тут так тихо, – сказала Феодосия, когда Коктебель замолчал.

– И безлюдно.

– Не считая нас.

«Интересно, — думала Феодосия, — я ему нравлюсь? Наверное, нет... Ну и не надо! Пусть валит к своим гориллам... Тоже мне, нашелся... Но тогда почему он на меня так смотрит? Неужели понравилась?»

Они улыбнулись и потянулись друг к другу, но вдруг где-то рядом просвистела торпеда.

— Что это? — испугалась Феодосия.

Коктебель пожал плечами. Он не испугался. Феодосия прижалась к нему. Её грудь чуть не пробила Коктебелю сердце.

— Какой странный свист, — прошептала Феодосия. — Это Карадагский змей?

Коктебель пожал плечами.

— Это я, — сказал человек сверху. Он шел с полуострова, где размещался торпедный завод.

— Меня зовут Орджоникидзе, — сказал Орджоникидзе. — Смотрите!

Он вытащил из ножен новенькую торпеду, раскрутил её над головой и зашвырнул далеко в море. Через миг на поверхность всплыл поверженный враг.

— Не хотел бы я быть твоим врагом, — сказал Коктебель.

— И я, — сказала Феодосия.

— Так давайте станем друзьями! — предложил Орджоникидзе. — Я научу вас делать торпеды и запускать их.

Феодосия с Коктебелем побоялись отказаться.

Торпеды Орджоникидзе знали море, как свои пять пальцев. Они знали каждый кустик водорослей и деревцо парусов. В то время как враги шуровали по объездной, читая комиксы указателей, торпеды Орджоникидзе топтали подводные тропы и проселочные дороги.

Они видели самые темные чащи на свете, в которых водились рыбы-разбойники. Они соображали на троих с акулами и фехтовали с меч-рыбами. Загоняли подлодки в трясину и щекотали пятки кораблей. Если ночь доливала заварку в воду, торпеды заплывали передохнуть в лесничие домики. Утром они возвращались на прежнюю траекторию.

До войны торпеды Орджоникидзе просто гуляли под водой. Они никого не топили первыми. Жители многоэтажки моря приглашали их в гости. Торпеды никогда не отказывались, они уважали каждую медузу и горгону. На крыше штормило от глубоководных песен и плясок.

А потом появился враг ктулховских размеров, он принес полные ведра войны и вылил в Черное море. «Крым – фаллос этого мира, – сказали с немецким акцентом. – Здесь начало советской авиации и советского шампанского. Поэтому гору Клементьева не бомбить. Карадагского змея не будить. Бить только по яйцам». Услышав это, Орджоникидзе стал работать в три погибели. Новенькие торпеды посыпались под воду и объединились в партизанские отряды. Они стали уби-

вать по-настоящему – за Родину, Феодосию и Коктебель.

Когда война закончилась, Орджоникидзе продолжил работу. Он готовил торпеды каждый день, их аромат отпугивал возможных врагов. В тех местах был самый чистый горизонт, вода и воздух. Туда не пускали даже отдыхающих, чтобы они не видели секретного завода. Орджоникидзе и его торпеды жили долго и счастливо. Их секрет раскрыли только через полвека.

Она хотела летать как птица, однако в то время дул такой сильный ветер, что птицы сидели на своих каменных аэродромах. На днях она договорилась слететь с горы Клементьева на дельтаплане, но утром ей позвонили из Коктебеля и сказали, что погода нелетная.

– Ничего себе – нелетная! – возмущалась она, щурясь от ветра на террасе. – Какая же погода им нужна?

Уже который день ей нездоровилось. Она носила термометр под мышкой, вытаскивала, смотрела, недовольно кривилась – и перемеряла. Температура постоянно была высокой. Это никого не устраивало.

– Какие полеты? – говорили ей. – Лучше выпей чая с лимоном.

– Выпью, – злилась она. – А потом наконец полетаю.

Она лечилась, чистила нос и полоскала рот морской во-

дой. Были и таблетки. На ночь она закутывалась в дюжину одеял, но никак не могла пропотеть.

– Дует вовсю, – говорили ей.

– Я должна полетать. Это как перезагрузка. Вы не понимаете...

Её и правда не понимали. Она подходила к поручням и расставляла руки, пуская холодный ветер в душу. Открывала маленький ротик и щебетала.

– Что это? – На её загорелой коже появились странные пятнышки.

– Аллергия, – отвечала она, – от каких-то таблеток...

Температура повышалась.

– У меня птичья температура, – говорила она, – недолго осталось.

Погода не менялась.

– Ветер будет дуть три дня, – говорили местные. – Или шесть. В крайнем случае – девять.

В конце недели у неё свело пальцы на руках и ногах.

– Смотрите, – говорила она, – я превращаюсь в птицу! Ещё немного – и мои руки станут крыльями!

Едва заметные волоски на руках загребели. Из ранок на теле росло что-то непонятное.

– Это перья! – радовалась она.

У неё был жар. Мы дали ей таблетки, чтобы сбить температуру. Напоили чаем и укрыли одеялом...

Ночью она свалилась с балкона.

– В следующий раз у меня получится лучше, – чирикала она. – Отстаньте от меня!

Она прыгала по двору, словно бескрылая птица. Мы легко поймали её.

Несколько дней она не вылезала из-под одеяла. Она пила все то, что мы давали. Нам показалось, что она идет на поправку.

...

– Эй! – кричала она нам с горы, взмахивая новенькими крыльями. – Смотрите и завидуйте.

Внизу скалились каменные зубы, смачиваемые слюной моря. Дальше – качался катер с татарским флагом. Мы стояли у подножия. Почему-то мы были уверены, что у нашей птички все получится.

И она прыгнула...

Лишь на миг она задержалась в небе, а затем рухнула вниз.

Мы побежали к морю и пересчитали все камни. Ни на одном из них не было следов крови.

И тогда кто-то из нас поднял голову.

– Так вот же она!

Она сидела на выступе – этажом ниже вершины – и улыбалась по-человечески, а не по-птичьи.

Она была счастлива.

– Был тут один, на вид – бомж, а сам из Москвы. Какой-то ученый, доцент, даже профессор. Ему было плевать, как он выглядит. Грязная борода, рваная одежда. По-моему, ходил босиком. Да, босиком. Ходил вокруг прилавка, что-то высматривал. Я следил, чтобы он не стырил магнитик. Но не прогонял, мало ли, может, ряженный. Тут много ряженных. Вот вы, сразу видно, нормальные. Другим я бы не рассказывал, а вам рассказываю, что этот бомж оказался академиком, в Москве его все знали, в Коктебеле знали, здесь в Орджо – поменьше... Короче, очень известный ученый, сейчас, наверно, уже нобелевский лауреат. А тогда он охотился за Карадагским змеем. У профессора был старинный компас из музея Грина, его стрелка показывала прямо на мой прилавок с магнетиками. Это был хороший компас, не то что новые, китайские. После Магнитного хребта Кара-Дага – им хана. А раньше всё делали лучше, вот из этого лауреата тоже можно было гвозди делать. Я не сомневался, что он поймает Карадагское чудовище. Под мышкой у него была пачка секретных документов из архива КГБ, подколотая гарпуном Грина. Понятно, что все музеи были рады ученому, ведь у того научных открытий было больше, чем самих музеев. И этот человек стоял передо мной, читал вслух документы и показывал уникальные фотографии. На одной был мертвый дельфин с выкушенным животом. Карадагский дракон грызнул только один раз – на краю укуса виднелись следы шестнадцати зубов. На другой фотографии был дельфин с аналогич-

ной раной. На следующей, присланной из Стамбула, дельфин был перекушен пополам. Вряд ли чудовище питалось дельфинами, скорее всего, они плавали там, где не полагается. Ученый прочитал мне неопубликованные стихи Волошина о роте красноармейцев, брошенной на Карадагского змея. Потом черновую главу «Роковых яиц» Булгакова. Что-то из Пушкина. Рассекреченные доклады Кригсмарине о встрече немецких подлодок с черноморским чудовищем. Он грузил меня до самого вечера. А проснулся я в кустах на склоне Кара-Дага. Хотите – верьте, хотите – нет. За что купил, за то и продаю. Маленькие магниты по три, большие по пять, с вас семнадцать гривен.

– Вы чё, какие дельфины и субмарины? Вы в каком веке живете? Карадагского змея зовут Сашкой. И сейчас он на аперитиве в кафе «Кара-Даг», что напротив церкви Стефана Сурожского. Знаете? Да, там знатный борщ. Сашка всегда там. Или на пляже. А видели инсталляцию? Ну, там ещё якорь и табличка: «Всего хорошего, и спасибо за рыбу». Две фотографии Сашки Панча, профиль и анфас. Он – местная достопримечательность. На Кубе был Хемингуэй, а у нас – Сашка Панч. Всегда загорелый как негр. Положит любого на руках. Когда напивается, гребень на голове становится каменным, глаза наливаются кровью, а тень удлиняется метров на тридцать. Вот и кажется, что у него хвост. Сам живет в Феодосии, но на лето приезжает в Орджоникидзе. Раньше тут было тихо, никаких людей, дельфинов и ко-

раблей. На набережной не торговали магнитиками для холодильников. Только торпеды плавали в воде. Поэтому Сашке грустно, поэтому он пьет. А затем нападает на кого-нибудь. По приколу. Да вы сходите в «Кара-Даг», познакомьтесь. Не бойтесь, Сашка хороший.

– В Турции скучно, в Сочи дорого, а в Кисловодске одни больные. В этом году я был везде. В следующем году я буду здесь все лето. Здесь – на третьем нудике... Мажьтесь хорошо. И попу тоже. Не жалейте – глины на всех хватит. Эти горы из синей глины. А теперь десять минут постоим. Когда станет тянуть – в море. Потом потрогаете свою кожу. Вечером будете популярны... Девушка, а почему вы не мажетесь? Заболели? Так, может, коньяка? Кстати, меня зовут Александр. Мои женщины поехали развлечься в Феодосию, а я не поехал. Если что, найдут меня здесь. Покажу им себя. Покажу им зуб Карадагского дракона. И вам покажу... Смотрите, какой большой. Между камней валялась деревяшка, а он торчал в ней. Я сначала и не врубился, что это зуб. Гнилой, дырявый, зато целых шесть сантиметров. А говорят, что сказки... Тогда какой рыбе он принадлежит?

– А чего вы за сердце держитесь? Или просто так?
«Волна ударила...»

Она прикрывала грудь рукой. До сердца там было далеко.

Он вытащил её из пены, такую большую, обнаженную, красивую. Положил на камни.

«Это место – словно хвост русалки, – думал он, озираясь. – До самого Коктебеля – плавники, которые отгораживают nudистов от текстильщиков».

Его мокрые плавки весили целый килограмм – ничто по сравнению с уловом.

Все завидовали ему. Обступили кольцом. Сомкнулись сфинктером. А она хватала ртом воздух. Извивалась, пока не задохнулась.

– Нет, это я вас ударил, – признался он.

Он говорил с рыбами, на «вы», даже с мертвыми.

«Ну и чем мы лучше рыб? – думал он. – С людьми тоже особо не поговоришь. У меня была жена, дулась, не разговаривала. Умерла раньше, чем полагается жене. Потом ходила как зомби. Все время молчала. Пахла в сто раз хуже рыбы. А как кусалась...»

Он поднял рыбу и продрался сквозь толпу.

Люди задавали вопросы:

– Это акула или русалка?

– Где вы её выловили?

– Как её зовут?

Он знал, что её зовут Феодосией.

«Пока ещё я могу отличить Феодосию от Евпатории, Ялты или Алушты. Эту античную челку на Лысой горе лба, байбуговую линию носа и подбородок Святого Ильи я узнаю

всегда. Когда-то я ходил в Феодосию. Теперь Феодосия сама пришла ко мне. Как же её не встретить?»

– Продайте рыбу, – предлагали ему. – У меня есть деньги, много денег.

– А я дам больше.

«Моя золотая рыбка, – думал он. – Нет, я её даже за миллион не отдам... Она мне дороже денег. Зачем же продавать? Интересно, почему золотая рыба есть, а золотого человека – нет? Не потому ли, что рыбы лучше людей?»

Он отразил руку с пачкой денег и пошел дальше.

Ему предстояло пройти ещё два пляжа. Люди становились более одетыми, а значит, более смелыми. Он забрался по тропинке на гору и попрыгал взглядом по волнам. Справа дымился Коктебель, огонь уже поднимался на Кара-Даг.

Он присвистнул.

Тем временем рыба шевельнулась, хватанула ртом воздух и ударила его плавником по небритой щеке. Он пошатнулся, но добычу не выпустил.

«Ты уже старый, – сказала она. – Много ли тебе надо? Сколько ты съешь? Зачем я тебе? Лучше отпусти ты, старче, меня в море. И я помогу тебе наловить мелкой рыбы».

Он не сказал ничего, вздохнул и двинулся по тропе. Снизу уже кричали.

– Вот это рыба!

– Где поймал?

– За сколько отдашь?

Вода была близко. Внезапно он почувствовал себя старым. Рыба стала слишком тяжелой для него.

Твои обутоножки – по камням, по камням. Агаты и амethystы, сердолики и яшмы. Рэкс-пэкс-фэкс. Всё это кварцы. Три кварка для Мюстера Марка. Переключка – кар-кар. На первый-второй рассчитайся! А в ответ: никогда.

Никогда не говори «никогда». Даже если кончилась вода. Монооксид дигидрогена. Опасный химикат без цвета, вкуса и запаха. Жидомасонский заговор. ZOG. ДНМО. Яд в водопроводе, яд внутри нас. Но мы дойдем. До ручки. До Пальца. Чьерд побьери! Он запутался в ветках. Последние чахлые деревья – кха-кха, чих, будь здоров, спасибо. А потом его нашли.

Ты бы выпила сейчас? Алкоголь, пять процентов в крови. Если б было море водкой. Параноидальный вариант. Свалился со скалы во время экскурсии. Никто и не заметил. На склонах – райские кущи. Можжевельник, лохолистник, держидерево. Конечно же, держидерево, христова колючка. Терновый венец на голове. Ночь над пропастью. Аллилуйя.

А внизу Чертовы Ворота. Шайтан капут! На закате – Золотые. Рядом Иван-разбойник. Соловей-разбойник – Одишмантьев сын. Ни конному, ни пешему пропуска нет... Запорожцы на чайках и дубах. Лучшего места для засады не най-

ти. Тридцать галер падишаха – в обход. Невольничий рынок в Кафе. А на воле ветерок колючий...

Мы – против ветра. Чертов Палец манит нас. Экскурсовод говорит: сфинкс. Ты говоришь: слон. Бурная фантазия. Альпинисты-махауты. Десять секунд на подъем. Без страховки и перестраховки. И ты тоже, скало-ло-лазка моя. Дерешься вверх – монета-дискета на счастье. Какое желание? Полцарства – за глоток воды.

Уважаемые, не сходите с тропы. Оставьте камушек в покое. Не топчите траву. Здесь все под защитой. Неопалимая Купина, восьмиугольная звезда, огненнага запаления нас избавляющая. Ясенец. Не трогай этот цветок. Химический ожог. Волдырята по всему телу, изволдырят насмерть.

Покажите нам гору Святого Клементьева. Граница между горным и степным Крымом. Так вон же – летают! Климент, муж апостольский, сослан из Рима в Крым. Инкерманские каменоломни. А планеристов не канонизируют. Космонавты – и те ближе к Богу. А что там дальше? Орджоникидзе. Девушка, а вы откуда? Оттуда!

Когда Федор Бондарчук попал сюда – а сюда просто так не попадают – он увидел свои будущие фильмы. Именно тогда он почувствовал себя режиссером боевиков и блокбастеров. Бондарчук поставил на землю бумбокс, который изры-

гал молодежную эстраду, снял чепчик и вытер им пот.

Горы сделали с Федором что-то странное. Ему показалось, что он попал в Афганистан. Хотя это мог быть Пакистан или Таджикистан. Чего только не бывает. Режиссер Бондарчук хотел познакомиться с местностью, но ветер засыпал ему глаза песком. Пришлось закрываться правой рукой, а пальцами левой доставать из глаза песчинки, которые утяжеляли взгляд.

– Массаракш, – по-инострannному выругался Федор.

Горячая точка манила его издалека. Это могла быть красивая девушка. Или... Нет, девушка лучше. И Бондарчук пошел к ней на ощупь. Видит Бог, Бондарчук ничего не видел. Ему было тяжело и жарко.

– Я тут, Федя, – дразнилась девушка. – Холодно, холодно, теплее...

«Издевается, – думал режиссер Бондарчук. – Но ничего, я её поймаю и отшлепаю. Тогда эта моджахедка меня зауважает. Поймет, с кем связалась. Я ей покажу, кто в доме хозяин. Мы, русские, всегда побеждаем, а если не побеждаем, то заманиваем врага на свою территорию, где вечный снег и тайга – и там добиваем. В Афганистане не получилось, но мы все равно русские. Надо снять об этом фильм».

Федор Бондарчук наконец выковырял из глаза последнюю соринку и осмотрелся. Девушка исчезла. Барханы исчезли. Со всех сторон режиссера окружал Орджоникидзе.

– Ты кто? – спросил Федор.

Орджоникидзе расчесал усики ногтями и достал из кармана торпеду. Режиссер Бондарчук все понял.

– Папа говорил о тебе, – сказал Федор.

– Ты так похож на отца, – сказал Орджоникидзе.

Они обнялись и пошли на завод. По дороге Бондарчук рассказал, что сегодня стал режиссером. Он рассказал о своих планах.

– Я буду снимать здесь боевики, – сказал Федор. – Приглашу русских актеров. Людям уже надоел Голливуд. Им хочется своего. А я ничем не хуже Голливуда. Я ничем не хуже отца.

Орджоникидзе промолчал. Он смотрел вдаль и думал о Феодосии и Коктебеле.

– А что? – говорил Федор. – Экранизирую Стругацких. Потом ещё кого-нибудь. Мало ли хороших книжек? Главное, что эти места похожи на Саракш.

«А что... – думал Орджоникидзе. – Если сын Бондарчука снимет здесь фильм, Феодосия посмотрит его. И у меня будет преимущество перед Коктебелем».

– Мой завод в твоём распоряжении, – сказал Орджоникидзе.

Ещё никому он не говорил такого.

Режиссер Бондарчук нашел в окрестностях Орджоникидзе все, что нужно. Он привез сюда красивых молодых парней и дал им автоматы, чтобы они стреляли в душманов. Между съемками Федор искал свою девушку.

– Тепло, ещё теплее, почти горячо... – говорила она. – Ну же, думай, Федя!

– Фрези Грант? – гадал Бондарчук.

Лучше бы он занимался фильмами. Кончилось тем, что Феодосии не понравились «Девятая рота» и «Обитаемый остров». Продолжение она вообще не захотела смотреть.

Орджоникидзе расстроился, а Федор Бондарчук – нет, ведь он и собирался снимать блокбастеры. Его расстраивало только то, что девушка охладела к нему. В последний раз он видел её бегущей по волнам в сторону Кара-Дага.

– Важно не то, что вы ходите по воде. Важно, куда вы идете. Возьмем, например, йогов. Они летают. Да, это похоже на магию. Но пока ни один не перелетел через Тибет. Не слетал в Гоа. Всё – из Бомбея в Мумбай. Когда-то летающие китайцы сражались в небе с японскими камикадзе. Всем известно, кто победил. Мечи против самолетов. Чжан Имоу обязан снять фильм. Или Федор Бондарчук, он сможет при нормальном бюджете. Говорят, в Орджоникидзе он нашел музу. Но вернемся к нашим брахманам. Лучше всех летают ведьмы. Поэтому не жалейте молитв. Боги должны слышать вас, хотя бы стоны и крики. Укротите свое тело, начните с желудка. Когда станете достаточно легким, непременно полетите. В худшем случае – вниз. Знаете, скольких

шаолиней скинул с горы Бодхидхарма? Далеко не все вернулись обратно. Левитация стоит свеч. Левитация стоит денег. У вас есть деньги? Я могу стать вашим Махариши, вашим магом Самматом. Не сомневайтесь, вы полетите. Здесь все летают. На дельтапланах или без. Вон там – гора Клементьева, а там – Святая гора и Магнитный хребет. Они неслучайно рядом. Слышали об эффекте Мейснера? Отключите сознание и погрузитесь в сверхпроводящее состояние. Вы должны охладиться до критической температуры. Вам помогут молитвы. В конце концов, магнитное поле горы вытеснит вас в воздух... Так сколько у вас денег?

– Будьте осторожны. Говорят, Федор Бондарчук забыл тут каких-то актеров. И теперь они шастают по Орджо в поисках наживы. Уже не одного оставили без штанов. Они могут выдать себя за Феодосию, Коктебель или самого Бондарчука, изобразить Карадагского змея и продать билеты на прошлогодний джазовый фестиваль. Тогда он был бесплатным, не то что сейчас... Потому что в этом году обанкротили спонсора – завод «Коктебель». Тяжелые времена. Холодное лето. Мертвый сезон. В Белоруссии кризис. У нас тоже всё не слава богу... Вы сами откуда? Земля Санникова? Как же, плавали – знаем. Медовый месяц в Ялте? Где растет голубой виноград, где цыгане ночами не спят? Что, даже молодоженам негде лечь? И правильно сделали, что приехали сюда. Тут развлечений поменьше, зато никто не побеспокоит. Кроме актеров Бондарчука, бояться некого. В худшем случае вас

разденут на нудистском пляже... Вы ещё не идете купаться? Тогда присмотрите, пожалуйста, за моими вещами. Я – до буйка. Когда вернусь, расскажу про аферу на конкурсе боди-арта...

– Здесь всегда снимали кино. Слышали о «Броненосце Потемкине»? Так был и «Торпедоносец Орджоникидзе». Когда Эйзенштейн писал сценарий, Сталин ещё любил Орджоникидзе. А когда Эйзенштейн наконец приступил к съемкам, Сталин разлюбил Орджоникидзе и полюбил Берию. Увы, Вождь народов был однолюбом. С самого начала все пошло не так. У актеров не было одежды, её пришлось рисовать красками на теле. Именно тогда зародился боди-арт. Серго и Сергей дни напролет рисовали тельняшки. Актерам запрещали мыться до конца съемок, поэтому резкий мужской запах отпугивал всех зевак. Никто толком не знал, как идет работа. Не знали и Сталин с Берией. Пришлось дожидаться выхода фильма. В день показа «Торпедоносца Орджоникидзе» Сталин с Берией проникли в кинотеатр и украли пару километров пленки из железных ящиков. Премьера была сорвана. Расстроенный Эйзенштейн уехал на Запад, а Орджоникидзе – на юг.

– А ещё на дне моря есть пирамиды. Они больше египетских. Высятся спокойно на дне. И никто не видит этих здоровяков. Только корабли, бывает, налетают на них и тонут. Чтоб вы знали, черноморские пирамиды искал Наполеон. Вот поэтому их и засекретило советское информбю-

ро. Смотрели передачу по «СТБ»? Уже доказали, что Гитлер и Наполеон – родственники. Несмотря на различия, у них много общего. Оба нападали на Россию. Кто с мечом на нас пойдет, помните? Никто нас не мог завоевать, ни татарва, ни ляхи. Сейчас татары оживились, но мы им снова покажем. А Польша пусть сидит в своем НАТО. Тоже мне Речь Посполита... Как зовут самого известного водолаза? Так вот, самый известный водолаз погрузился на дно моря, а там пирамиды... Только они как бы в другом измерении. И самый известный водолаз решил войти. Другой бы побоялся, а он вошел в портал. Никто не знает, что он там видел. Еле вынырнул назад. А вы говорите, Бермудский треугольник...

Она любила их – обоих. Орджоникидзе знал, что он делает. Коктебель не знал, что он делает, но все равно делал. Первый был старше по званию, второй – вообще старше. Они были настоящими мужчинами, у них были настоящие усы и руки. Орджоникидзе насмотрелся всякого, поэтому носил на лице большие печальные глаза. О глазах Коктебеля можно сказать одно – они бегали. Ниже головы тоже все было в порядке. Лучше всех об этом знала Феодосия.

Они приходили на свидания всем скопом. Всегда – без приглашения, в синих глиняных костюмах с галстуками из конопляного дыма и сердоликовыми запонками. Они да-

рили букеты торпед и коньячных бутылок. На набережной кружились юбки и головы. Каждая встреча заканчивалась карнавалом. Море врубало свою магнитоу, а волны-пиджейки танцевали у берега под светомузыку звезд.

Утром Феодосия исчезала, как Фрези Грант. Орджоникидзе и Коктебель слезали друг с друга, извинялись и расходились до вечера. Работали, чтобы не думать. Хотя прекрасно понимали, что это не может продолжаться долго. Феодосия должна была сделать выбор. Или уйти сама. Направить свои стамболиевые каблуки и алые паруса юбок куда-то за девятый вал.

Феодосия хотела любить во всех направлениях и быть любимой с головы до ног. Она хотела купаться в любви, словно в море. И она купалась в ней. Однажды Феодосия заплыла так далеко, что не увидела, как на берег вышли её любовники. Торпеды рвались в бой из карманов Орджоникидзе, а Коктебель привел Карадагского змея. Феодосия не видела, кто ударил первым. Не слышала взрывов и криков.

Феодосия гребла вовсю. Она оставила позади бухту, которую называли Двукорной, потому что там бросили якоря Орджоникидзе с Коктебелем. Она не оборачивалась, пока не оказалась в родном заливе. Когда Феодосия вышла на берег, город уже окутывала ночь, но не успела тьма лечь на крышу самого высокого здания, как её подожгли фейерверками. Жители высыпались на улицы, чтобы отпраздновать возвращение Феодосии.

О чем шелестит девочка на море

О чем шелестит девочка на море? Девочка-листок. На ветру. Этот шелест слов...

Слышишь?

Девятилетняя девочка, которая потерялась в Старом Крыму, нашлась в Новом Свете. Нашлась в Кореизе и Симеизе, нашлась в Алуште и Алушке. Не слишком ли много девочек? И каждый раз – на дереве, как листок. А рядом море.

Ш-ш-ш... шу... шу.

– Смотри, – говорят мне Олеша, Гекльберри и Алексейчук, – вон ещё одна.

– Где?

– Ты можешь посидеть спокойно? – говорит мама.

Моя мама. Все время подкрашивает губы. А изо рта давно пахнет осенью.

– Пожалуйста, никуда не уходи. Не лезь в воду. Я скоро вернусь.

Вчера она тоже... А вернулась не скоро. Размазанная помада, растрепанные волосы. Разревелась, когда я сказал, что она не похожа на мою маму.

Она бредет к тому кафе. Камни на пути. Песок вяжет ноги. Мы с Олешей, Гекльберри и Алексейчуком смотрим ей вслед.

– Пошла на свидание, – говорит Олеша.

– По мужикам, – уточняет Гекльберри.

– Опять напьется, – добавляет Алексейчук.

В чем-то они правы. Но это не её вина. Если бы не мама, нас бы здесь не было.

Здесь, на этой сковородке, где тушатся люди. Когда начинают пригорать, лезут в воду. Морю все равно, оно занято своим делом. Оно волнуется, шипит и шлепает попы валунов. Интересно, за что?

– Смотри! Смотри же!

Олеша, Гекльберри и Алексейчук снова замечают девочку. Вот это зрение! Она сидит на дереве, которое растет на балконе гор.

Мы забываем обо всем, забываем на пляже игрушки, вещи и покрывало. Лифта здесь нет, зато есть удобные выступы и канат. Мы запросто забираемся наверх.

– Эй, – говорю я девочке в блестящей обертке. – Ты кто?

– Я девочка. А ты кто?

Я вкратце рассказываю о себе. Учусь в спецшколе и учусь неплохо. Любимая еда – шоколад. Любимое кино – «Аватар», любимая музыка – «Ария». По утрам я бреюсь и пью таблетки. Мама говорит, что в моем возрасте это нормально.

– Ты странный, – говорит девочка. – И от тебя пахнет крабиками.

– Не знаю, – говорю я, обнюхиваясь. – Может быть...

– А как зовут твоих друзей?

Олеша, Гекльберри и Алексейчук удивлены. Кроме меня,

их никто не видел. Поэтому они никогда не следили за собой – не одевались и не причесывались.

– Ты вправду их видишь?

– А что такого? – говорит девочка. – Тебя же вижу.

Олеша, Гекльберри и Алексейчук смущены, они прячутся за моей спиной.

– Хорошо... – говорю я. – Знакомься. самого маленького зовут Олешей. Он появился, когда меня обижали в садике, взял мою кличку и мои проблемы. С тех пор так и не вырос.

Ветер понимающе шелестит одеждой девочки.

– Гекльберри – мой герой. Он веселый, дерзкий и находчивый. Он помогает мне в трудную минуту...

Не девочка, а конфета. Какая большая! Наверняка под оберткой – шоколад.

– Алексейчук – это взрослый я. Он носит фамилию отца, который бросил нас с мамой. И носит бороду, которую я сбрываю.

– А вы не опасны? – спрашивает девочка. – А то ходят тут всякие...

– Слезай, – говорим мы, – узнаешь.

Девочка мотает головой.

– Подумай, – говорим мы. – Будь мы опасными, врачи не отпустили бы нас на море. А мама не оставила бы нас на пляже. Слезай! Или Алексейчук снимет тебя силой...

Пропала девятилетняя девочка. Выглядит молодо. Длинные волосы. Глаза папины. Улыбка мамина. Во рту жвачка.

Была одета в куртку-ветровку серебристого цвета, под курткой... Что же у тебя под курткой, девочка?

— Куда ты меня ведешь?

— Есть одно место. Там безопасно.

— Уверен?

Пропал парень. Ушел с пляжа в неизвестном направлении и не вернулся. Темненький, загорелый. Немного сутулится, немного близорук. Пахнет крабовыми палочками. Был одет в красные трусы-плавки. Помогите. Мне очень надо его найти, он очень болен, а вечером холодно. Пожалуйста, это мой сын.

Мама быстрее ветра. Дает объявления в газеты, которые он разносит. Теперь все знают, как мы выглядим. Теперь нас точно поймают.

Олеша закатывает истерику, Алексейчук закатывает глаза. Наконец Гекльберри хватает меня за руку, я хватаю девочку — и мы тащимся куда-то, все выше и выше, до самых грудей гор.

Плоть на камнях. Явление скалолазов на берегу моря. Шу-шу... Шу.

Слышишь?

— Не бойся, — говорит девочка, — это я.

Нет, мне страшно... Я никогда не был на море, тем более с девочкой...

Как высоко... Мы не упадем?

Этот Олеша... Давайте бросим его в море?

Лучше бросим её в море...

Так мальчик или девочка? Орел или решка?

Не надо, я не умею плавать...

Научишься. Я же умею...

А помнишь, как Алиса свалилась в море? Плыви за белым кроликом. Страна Чудес под водой. Дремотный шелест волн. Мягкое тело моллюска под головой. Какая тишина, какой покой внутри раковины.

– Опять мы в беду попали, – говорит Олёша.

Вчера вечером с тропы Голицына свалился мужчина, гражданин России. Высокий, белый, православный. Был гладко выбрит и одет во всё...

Бедная мама, она, наверное, решила, что это Алексейчук.

– Пострадавший заявил, – читает Алексейчук, – что вода как чай.

– Тихо, – говорит Гекльберри.

Ш-ш-ш...

Море шкворчит под нами. Девочка шифоново шуршит в ответ. Сыпет слова в бурлящий котел.

Маленькая принцесса. Королевство высокой волны.

– О чем вы шептались? – спрашиваем мы.

– Море спрашивало... – говорит девочка. – Спрашивало, зачем я тебя похитила. Оно просило отпустить тебя к маме. Но я тебя не отпущу. Я сделаю тебя своим мужем. Буду убирать, готовить и любить тебя. Ты вредный, не слушаешься меня, но я тебя воспитаю.

Уже не девочка, а медуза. Её речь парализует. Мы застываем на самом краю скалы. Бледные как призраки.

– М-мне ещё рано жениться, – говорю я.

– Почему? Я красивая, у меня длинные волосы. Я знаю много игр, нам будет хорошо вместе. А потом у нас появятся детки. Ты ведь любишь деток?

– Люблю, конечно, но...

Олёша, Гекльберри и Алексейчук совсем прозрачные. Сейчас они исчезнут.

– Ты мой пленник, – говорит девочка. – Ты должен слушаться меня.

– Я...

– Целуй меня... В губы целуй!

Я никогда не целовался с девочками. Мне ещё рано заводить детей. Я резко отстраняюсь, но эта блоха успевает чмокнуть меня. Фу! Как противно...

Девочка рада, что унизила меня.

– Эй, – говорит она, – чего реवेशь? Ты же взрослый. Прекрати.

И я прекращаю. Я ложусь на бок, а девочка укрывает меня колыбельной. Льет на меня снотворное слов.

Синяя волна, синяя звезда... Спи, моя судьба... Половинка сильная.

Кипарисы спят, фиги крепко спят... А на них – инжиры синие.

Я бы тоже уснул, не засветись соседняя вершина новогод-

ней ёлкой. Военная база миглом оживает, слышатся крики командиров, ропот рядовых и рокот техники. В небо поднимается что-то ужасное, быстро находит нас и опускает на головы джедайский меч.

– Бегите, друзья, – говорю я Олёше, Гекльберри и Алексеичуку, – им нужен я.

– Всем стоять! Никому не двигаться! Руки за голову!

Солдаты водят вокруг нас хороводы, размахивают оружием, слепят светом.

А мы льем слезы.

Разыскивается профессиональный российский самбист за нанесение тяжких телесных повреждений, которые привели к смерти военнотружущего-контрактника. С места преступления злоумышленник скрылся. Передвигается в машине синего цвета или в джинсах синего цвета.

Сильный... Синий...

– Я её не похищал, – говорю я военным. – Она сама меня похитила!

– Это не он... Идиоты! Это не наш самбист.

Старший уходит. Сразу же гаснет свет.

Пронесло. Мы обнимаемся на радостях. За нами наблюдает лишь ночь – в темном кителе, украшенном звездами.

Утром начинается новый день. Земля кланяется солнцу, всё ниже и ниже, пока не оказывается под ним. Всем хорошо и тепло, даже вода нагревается. Из коробок домов выпадают люди, задираются к волнам, задирают головы к небу,

с которого льется жемчужный свет.

– Ты куда собрался? – спрашивает девочка.

Я подсовываю вместо себя Олёшу и бегу купаться с Гекльберри и Алексейчуком.

– Если ты утонешь, – кричит девочка, – я стану вдовой. А я не хочу быть вдовой...

Сегодня на пляже «Курортный» в результате неосторожного поведения на воде погиб тридцатилетний мальчик. Водолазы вытащили его слишком поздно для медиков. Личность утопленника устанавливается, родители разыскиваются...

Нет, мама, это не Алексейчук...

– Надо было слушаться маму, – говорит Алексейчук. – Не лезть к этой девочке, не провоцировать её. А теперь она женит нас на себе и заставит делать детей.

– Помолчи, – говорит Гекльберри.

Снова этот шепот. Девочка-ведьма. Колдует на полную масть.

В Черном море белый парусник, на его мачтах двенадцать канатов, на тех канатах ангелы. Они поют, воспевают и молодых благословляют. Созрело для любви сердце мое. Пленен мой суженый. Пускай же гарбий принесет нам счастье и удачу, а все невзгоды лежат в пучине морской – за тремя замками булатными, тремя заклятиями Господними, тремя печатями Соломоновыми. Слово мое крепко как камень, светло как солнце, неудержимо как волна. Аминь! Аминь! Аминь!

Море выбрасывает нас на берег. Мы прикатываемся к ногам девочки... Похитители и пленники, заложники и захватчики. Сегодня ты жертва, завтра – агрессор. Патти Хёрст? Не, не слышал. Одни хотят убить, другие хотят любить. Если не полюбим, она убьет нас?

Если я не стану супругой ему, то не подходит мне любить его.

– Я оставляю один струп, – шепчет девочка, – для подстраховки.

Что такое? Крымский синдром? Третий день в плену у гор, четвертый день – у моря. Какая ещё свобода? Тут свобода равна неволе. Вся природа на стороне девочки, а значит, и на моей стороне. Понятно, что я подчиняюсь. Я слушаюсь девочку, как маму... Как самого себя. Мне хорошо с ней, меня всё устраивает.

– Подурачились, и хватит, – говорят мне друзья.

Алексейчук и Гекльберри ловко связывают меня. Олёша скулит в сторонке.

Искатели и свидетели.

– Что вы делаете?

Я так удивлен, что даже не сопротивляюсь.

– А ты разве не понял?

– Вы охотники за головами? – спрашиваю я.

Они кивают головами.

– Мы доставим тебя назад и получим вознаграждение...

Игрушки...

Шоколадки...

Таблетки...

– Девочка будет против, – говорю я. – Она вам отомстит.

– Поживем – увидим, – говорят эти предатели.

– Не долго вам жить осталось, – внезапно говорит девочка.

Она налетает ураганом, расстегивает курточку, под ней – само солнце. Олёша, Гекльберри и Алексейчук вынуждены отступить.

– Сейчас будет немного больно, – говорит мне девочка, – потерпи...

Я зажмуриваюсь.

– Изгоняю нечистого духа. Выйди вон, Олёша! Нет тебе здесь чести и места. Это не твоя голова, не твое тело. Здесь Бог и любовь, Петр и Феврония. Заклинаю тебя силой русского слова. Уходи вместе с последними русалками! Сгинь в ночь, сгинь с сегодняшнего дня, просто сгинь. Аминь! Аминь! Аминь!

Я кричу от боли, которую оставил Олёша.

– Изгоняю нечистого духа по имени Гекльберри...

От свободы и голода кружится голова. Я хватаюсь за ветки.

– Изгоняю нечистого духа по имени Алексейчук...

Мне печально от знаний. Я чуть не падаю с дерева.

Внизу – пропасть. Она уже проглотила Олёшу, Гекльберри и Алексейчука. Будь у меня хорошее зрение, я бы увидел человечков, которые отдыхают на первом этаже гор. Я бы

увидел маму, которая по-прежнему ищет меня на берегу. Но я не вижу никого. Даже девочку. А она только что была рядом. Только что шелестела над ухом.

Что же она шептала?

Синяя кровь, пена на губах, в голове шумит прибой. Оставайся, море, с нами, оставайся внутри нас. Ривьера в шалашике души. Суп любви на костре чувств. Мясо есть у каждого. Бросаем дофамин, посыпаем серотонином. Добавляем щепотку эндорфинов и каплю адреналина. Окситоцин – по вкусу. Варим до полной готовности. Позволяем блюду настояться. Разливаем по тарелкам. Правда, вкусно?

Девочка не отвечает. Но я знаю, что ей нравится. Ведь я и есть девочка.

Разыскиваемый нашелся там же, где и потерялся. Сознательные граждане обнаружили его на дикорастущей груше, сняли и отвели к маме. На мальчике были синие плавки и свежая газета. Морской климат явно пошел ему на пользу. Психическое расстройство уступило место другому, не такому тяжелому. Теперь больной ассоциирует себя с одной личностью – девятилетней девочкой.

Так мальчик или девочка? Орел или решка?

Бросайте...

Я уже умею плавать.

Малореченское привидение

– Крым начинается с симферопольского Макдональдса, – сказал Лжестепан Хатына, выдавливая себя из поезда, – им же и заканчивается.

Хатына располнел и растолстел без работы. Если бы не расследование, он продолжил бы расплываться.

Мы прошлись по платформе – под руку. Крыша защищала нас от дождя, но у меня все равно отсырели волосы.

– Я смотрел, – сказал Лжестепан, – смотрел в Интернете. Кругом дождь, даже в Судаке.

Я кивнула. Я не успела почистить зубы в нашем первом вагоне, который ночью стал последним.

Автовокзал встретил нас хором таксистов. Мисхор... Ялта... Партенит... И наконец: Алушта, Рыбачье... Лжестепан затолкнул меня в микроавтобус, а сам направился в бесплатный туалет, которым славится Макдональдс. Мой друг не считал нужным платить за это дело.

Он вернулся расстроенным – Альфу и Омегу полуострова закрыли. На ремонт или насовсем.

– Ладно, – сказал Хатына, – схожу на обратном пути. И мы поехали – через дождь, через Крым.

– Я не ем мяса, – говорила кому-то девушка спереди. – Употребляю только растительную пищу. По крайней мере, она неодушевлена.

Мы со Лжестепаном пахли на неё колбасой и котлетами. Девушка боялась оборачиваться.

За окнами маршрутки лил дождь. Сверху – на горе – привидения под командованием трехглазого Суворова-Кутузова сражались с растениями, ведомыми Александром – гигантским черешневым дубом. Вся гора была зеленой, но духи брали свое умением. Они раздавали бой налево и направо. Грохотали пушками и поливали противника свинцовым дождем.

Тучи помогали как плохим, так и хорошим.

– Итак, что там у нас? – спросил Лжестепан, дожидая завтрак.

– Малореченское привидение, – сказала я.

Папка раскрылась на нужном месте.

Не успели они доехать до новоприобретенного замка, как небо затрещало от молний, а дождь лихо забарабанил по крыше минивэна, управляемого Алексеем Петровичем Портосом, потомственным русским и первым наследником всего.

– На русских уже не хватает хорошей погоды, – ска-

зал с заднего сидения отец Алексея, владелец квартиры в Москве – Петр Иванович Портос.

– А ведь мы недавно слышали тюрюканье перепелок, воркование голубей и уканье маленьких жаб, – сказала Софья Ильинична Портос, родная жена и мать. – Мы видели хвостики белок и полевых кроликов, они беспечно прыгали прямо под наши колеса. Пряные запахи опьянили всех нас, мы перепили этого коктейля из хвои и меда, ничуть не разбавленного дождем.

В девичестве Софья Ильинична стеснялась фамилии Валуева. Она была весьма романтической особой. На каждом углу ей мерещилась паточка с имбирем, на стол она всегда ставила свечи, а завтракала исключительно в постели. Завтрак заряжал её энергией на весь день, молоко перемешивалось с кровью, она была готова жить и побеждать в стране Москва. Только язык выдавал в ней уроженку глубинки. В свои немолодые годы она обладала фантастической фигурой и глазами-блюдцами, напоминая героиню аниме, которое так любила несовершеннолетняя дочь Портосов – Меланья.

Будучи эмо-девушкой, Меланья отзывалась на кличку Мел. Она увлекалась яркими волосами и свитерами, скрывавшими роковой блеск её зеленых глаз и фигуру, не менее фантастическую, чем у матери. Как полагается представителям её субкультуры, в ушах она носила тоннели, а в губах лабреты. Кроме того, под одеждой у неё имелась кол-

лекция татуировок. О них знал только князь Могилевич, но и того сослали в Оксфорд, подальше от скутеров и девчонок Тверской.

– Фу, ма, – сказала Мел, – твои приторные речи не смыть даже этому дождяре. Помолчи, или займись чем-то вроде этого.

Близнецы загоготали сзади. Они всегда были в синяках и ссадинах, поэтому их прозывали далматинцами. Большие всего на свете они любили аниме и призраков. Сейчас они ехали навстречу им, и были довольны, словно парочка депутатов, которые только что пролоббировали нужный закон.

В Малореченском замке давно было нечисто, но туристов и других ненормальных людей стали пускать туда относительно недавно. Согласно легенде, призраки появлялись исключительно перед смертью очередного владельца – представителя семейства Кучук-Озеновых, поэтому посетители могли посмотреть лишь на несмываемые кровавые пятна возле камина. Желающим предлагались тряпка и моющее средство – те работали в поте лица, но следы крови вновь появлялись на старом месте. Они были поистине несмываемыми.

– Петя, я хочу попробовать новое средство, – говорила госпожа Портос мужу. – Ещё до землетрясения японцы разработали новый «Суперпятновыводитель» и усовершенствовали старый «Мегаочиститель». Я просто обязана заняться этими пятнами в Малореченском замке.

– Но мы же не обязаны покупать сам замок, Сонечка, – отвечал Портос, переключая каналы. – Ты можешь съездить туда как туристка.

– А как же твой сын? – не унималась Софья Ильинична. – У Алеши группа на Вконтакте, посвященная привидениям. Ему кровь из носа нужно пожить в замке, чтобы почувствовать атмосферу.

Петр Иванович хотел сказать, что дружен с Кучук-Озеновыми, хоть они и скрестились с татарами. Тамерлан Кучук-Озенов пустит в замок не только сына, но и армию футбольных фанатов, с которыми Алеша недавно разгромил казино на Преображенской площади. Он потянулся за мобильным телефоном, чтобы позвонить в Малореченское.

– Сразу предупреждаю, – сказал Кучук-Озенов, – в моем замке водится привидение.

– Полноте, Тима. Если бы в Крыму завелись привидения, – сказал Портос, – их бы мигом переправили в музеи Москвы. Наши молодцы, которые исправно увозят от вас эстрадных звезд, не пожалеют ничего ради подобного товара. Поэтому я покупаю твоего призрака вместе с мебелью.

– Не знаю, почему привидение не соблазнили предложения ваших дельцов, – сказал Тамерлан, – но оно терроризирует наше семейство много веков подряд. Первой серьезно пострадала моя прабабка, когда поднималась на Демерджи. Её лошадь сиганула с обрыва. Библиотечные и коридорные

шорохи не давали спать даже прислуге, и она вскоре ушла от нас. Сейчас в замке только пани Саломея, но ей не привыкать – она спит с духами. Если не веришь, спроси преподобного Вомпера из Малореченского храма-маяка. Он магистр экстрасенсорики – видит больше, чем полагается простому смертному.

– Даже духи подчиняются законам природы.

– Все, кроме русских, – напоследок сказал Тамерлан Кучук-Озенов.

– Что он имел в виду, Петя? – спросила Софья Ильинична, дослушав разговор. Портосы были чистокровными русскими, поэтому их все волновало. – Это явно какой-то намек.

– Это татарский юмор, – процедил Петр Иванович и даже не засмеялся.

Через пару недель Тамерлан Кучук-Озенов умыл руки, подписав купчую.

Семейство Портосов отправилось в замок на майские праздники. Алеша хотел на Ибицу, Мел – к другим эмо-ки-дам, но в руках Софьи Ильиничны были новый «Суперпятновыводитель» и усовершенствованный «Мегаочиститель», а за её спиной парочка близнецов-далматинцев, обожавших призраков.

Вечер сочился весенним нектаром, но за башнями замка притаились тучи, которые не преминули разразиться грозой. Кто-то наверху лил на минивэн Портосов ведро за вед-

ром. Свет от фар едва пробивался сквозь стены дождя, освещающая крыльцо, где куталась в дождевик неопознанная фигура.

– Это, наверное, старушка Саломея, – сказал Алеша. Его голос почему-то дрогнул и сердце забилось на всю машину.

– Офигеть! Братан западает на старушек, – засмеялась Мел, за что тотчас получила локтем в татуированное плечо.

– Она и впрямь должна быть в преклонном возрасте, – отозвался отец семейства. – Впрочем, для Крыма это нормально.

Между тем фигура пробилась сквозь дождь. Гриб зонта рос в её руках.

– Явились не запыхались, – по-старинному промолвила она. – Вы в Малореченском, если ещё не догадались.

Даже дождевик не скрывал кацапской стройности и хохляцкой округлости тела. Длинные ноги торчали снизу, а шея – сверху. Ещё выше было лицо, сочное и молодое, как сыр.

– Вы кто? – сказали Портосы хором.

– Саломея, кто ж ещё! В замке всегда дубильник, все отлично хранится, но почти не годится к использованию.

– На самом деле она спит с призраками, – шепнул Алеша Меланье. – Я прочитал об этом в Интернете.

Несмотря на зонт, Портосы намокли и продрогли в мгновение ока. Дождь брызгал как сбоку, так и снизу, отскаки-

вая от тротуарной плитки.

В холле Саломея сбросила свой дождевик, оголив ноги и грудь до самого передника. Под ним было короткое платье в обтяжку.

– Какого ребенка вы обокрали? – пошутил Петр Портос.

Саломея фыркнула и, виляя бедрами, отправилась за пледами.

– Богиня, – сказала Мел, посмотрев ей вслед. – Мы с Лёшей будем поклоняться ей.

Её локоть с размаху врезался в бицепс Алёши – девушка всегда давала сдачи.

Позже они расселись возле камина. Пётр Портос курил сигариллу с ванильным вкусом, Алексей и Меланья – огромный кальян, а Софья Ильинична наслаждалась зеленым чаем и видом своего кактуса, который безмолвно высился посреди зала. Крики близнецов доносились из соседней комнаты – они смотрели по спутниковому телевидению аниме без перевода.

– Старый Кучук-Озенов замочил свою супругу на этом месте, – сказала Саломея. – Вот знаменитое пятно, которое не смыть никем и ничем. А вон там другие. Хозяин был не сильно аккуратным.

В тот же миг в коридоре завывло, залязгало и загремело.

– Успокойся, Марат, это свои! – крикнула Саломея через плечо.

– Вы знали его? – поинтересовался Петр Иванович. – Ма-

рата Кучук-Озенова?

Саломея не успела ответить. Софья Ильинична, вооруженная «Мегаочистителем» и «Суперпятновыводителем», оттолкнула домоправительницу в сторону и склонилась над самым большим пятном. Через минуту от него осталось одно воспоминание.

— Эти японцы не зря едят свой рис, — сказала она. — А теперь следующее.

Она подошла к очередному пятну, не обращая внимания на протесты грозы и призрака в коридоре. Тот барабанил в дверь и поносил Портосов на чем свет стоит.

— Так, — сказала Мел, — моя балда сейчас треснет.

— У меня есть связи даже на том свете, — пригрозил призраку Петр Портос.

И стало тихо и чисто.

— Призрак — тоже человек, — сказал господин Портос перед сном, — только не обремененный трупом.

Утром появились новые пятна. Это была кровь Петра Ивановича. Стреляли из пистолета Алексея Петровича.

Собака лаяла как человек, который изображает лай собаки. Лжестепан приступил к допросу через забор.

— Вас зовут Алушта?

— Бав!

– Будем знакомы. Я Лжестепан Хатына, а это моя Оксана Ножовка.

– Р-ры, ав!

– Где вы были с первого на второе?

– Ы-ы... На пляже. Я бегала по берегу. Я купаюсь, как и все собаки. По вечерам, когда никто не видит. Нагишом.

– И как водичка?

– Бывало теплее.

– Не заметили ничего подозрительного?

– Только преподобного Вомпера. Ав! Он мне не нравится, а я – ему. Вомпер шел в замок и пах убийством.

– Зачем ему убивать Портоса?

Собака пожала плечами.

– А зачем ему бросаться в меня камнями?

– Может, он безгрешен? – подсказала я.

Лжестепан посмотрел на меня, словно на врага.

– И часто вам доставалось от Вомпера?

– Ы-гы! Ни разу. Ы-гы-ы...

Алушта смеялась по-собачьи.

– То есть Вомпер мазила? Как же он попал в Портоса?

– А разве в него стреляли?

Алушта явно была не в курсе.

– Отойдите от нашей собаки.

– Да она сама, – сказал Хатына.

В Крыму все женщины одного возраста. Их волосы выгорают на солнце, лица пересыхают, шелушатся и обветриваются. Дочки и матери выглядят как сестры. А ягодки бабок и внучек не отличишь на вкус.

На вид Саломея была того же возраста. Она загорала в Малореченском всю жизнь. Плавала и бегала, как собака Алушта. И была фигуристее всех нас вместе взятых.

Когда она открыла ворота, Лжестепан закашлялся, словно подавился туберкулезом.

– Не кашляйте на меня, – сказала Саломея.

– Я не заразный, – сказал Лжестепан Хатына.

Я подтвердила, что мой друг ничем не болеет, но Саломея все равно не доверяла нам.

– У нас горе.

Алушта выглядывала из-за обнаженного плеча Саломеи.

– Они наверняка повесят убийство на Марата, – сказала домоправительница. – Он ведь умеет убивать. Одним больше, другим – меньше. Вот, полюбуйтесь.

Саломея развернула газету:

«МАЛОРЕЧЕНСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ НАНОСИТ УДАР ПО МОСКВЕ».

– Какой удар? Разве Марат боксер?

«НАЧАЛО ГАЗОВОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ. ГАЗПРОМ ХОЧЕТ КРЫМ».

– Война идет давно, – успокоила я Саломею.

– У нас своих войн хватает. Нам новых не нужно.

Мы рассказали Саломее, что наблюдали на перевале сражение духов с растениями.

– Надеюсь, духи победили?

– Мы не досмотрели.

– Призраки – это бывшие люди. Россия должна помочь им. Да и Украина тоже. Хотя что это за государство?

Мы со Лжестепаном промолчали. В Крыму считается, что Украины не существует.

– Я слышала, что растения Никитки уже выбили русский дух из ботанического сада. Они сделали там столицу. Теперь хотят превратить Крым в зеленый лабиринт. Вот кто по-настоящему угрожает Москве.

Мы опять промолчали.

– Я все рассказала милиционерам. Но им наплевать. Они украинцы.

– А вы русская?

Саломея неуверенно кивнула. Когда она родилась, всех этих народов не существовало.

– Милиция знает, что вы были любовницей Петра Порто-са?

– Кто вам сказал?

Даже в рукаве безрукавки у Лжестепана была козырная карта.

– Зайдете? – сказала Саломея, озираясь по сторонам.

Мы прошлись по дорожке к замку, слева и справа взгляд

кололи кактусы.

– Когда-то я жила в Москве. С Портосом. Он хорошо содержал меня. Но потом проиграл в карты Тамерлану Кучук-Озенову. Мудак.

– О мертвых либо хорошо... – начал Лжестепан.

– Лучше ничего, – сказала Саломея.

– Сколько вам лет?

Домоправительница замялась.

– Вы не Саломея, правда?

Лжестепан Хатына наступал, нацелив указательный палец на девушку.

– Да. Я Лена.

Она отвернулась от нас и завывала.

Я хотела успокоить её, но Хатына остановил меня.

– Ей надо побыть одной. Хотя бы раз в жизни.

София Ильинична Портос размокла от слез. Её руки и волосы были похожи на ленты туалетной бумаги. Она могла развалиться от малейшего движения.

На свой страх и риск она помахала нам.

– Зачем они забрали Алёшу? Он не виноват, – сказала она.

София Ильинична рассказала, что в Малореченском замке была вся крымская милиция.

– Они расспрашивали, допрашивали и опрашивали. Даже

Алушту. Даже близнецов. Потом взяли и заковали в наручники Алексея. И увезли в какое-то отделение.

Лжестепан изучал интерьер, поднимая взглядом вековую пыль.

– Это все я. Я заставила Петю купить этот проклятый замок.

София Ильинична разревелась.

– Надо было арестовывать меня!

Кусок штукатурки все-таки отвалился от её лица.

– Успокойтесь, – сказал Лжестепан. – Вы мать.

– Да, я нужна детям. Мне нельзя в тюрьму.

София Ильинична едва не стерла салфеткой свои глаза.

Она попыталась подняться, однако ноги подвели её.

– Милиционеры сказали, что это не самоубийство. Тогда кто убил Петю?

– Это мы и пытаемся выяснить.

– Я хочу помочь вам. Однако я ничего не знаю... Я рано легла, потому что устала после дороги. Мы приехали издалека – из Москвы. Столько дней в пути... Поймите, я заснула сразу же, так крепко, что не слышала выстрелов.

– Вы обнаружили тело?

– Да, я встаю рано.

Софья Ильинична запустила пальцы в волосы.

– Петя лежал на полу и выглядел таким убитым...

Изо рта и носа вдовы потекли рыдания.

– Вам нужно обсохнуть.

– Это все из-за меня, – сказала София Ильинична. – Вы можете меня арестовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.